

ЛИНГВИСТИКА

К вопросу о языке животных

© кандидат филологических наук И.И. Богатырева, 2005

В лингвистической науке (как и в любой другой области научного знания) и тем более в учебной литературе есть целый ряд уже устоявшихся, общепринятых представлений по поводу определенного круга проблем, причем подобного рода утверждения кочуют из одного издания в другое и выглядят как некие аксиомы, не вызывающие никакого сомнения и не требующие пересмотра. Одной из таких «аксиом» и посвящена настоящая статья, цель которой, как нам представляется, состоит в том, чтобы, если не опровергнуть существующую точку зрения, то показать ее односторонность и очевидную упрощенность трактовки такой увлекательной и пока недостаточно глубоко изученной проблемы, как язык животных.

Вышеназванная проблема, как правило, упоминается в связи с особенностями человеческого языка как универсальной семиотической системы. Про языки животных при этом обычно говорят приблизительно следующее:

– у животных язык не орудие познания, а просто результат работы органов чувств; в то время как человеческий язык тесно связан с *познавательными процессами*¹, знак в языке животных – это либо *реакция* данной особи на случившееся событие (т. е. нечто, *уже познанное*), либо *стимул* к аналогичной реакции у других особей;

– в языке животных нет отражения окружающей действительности; элементы обобщения и синтеза в познавательных процессах животных если и присутствуют, то они никак не связаны с механизмами коммуникации;

– у человека (животным же в этом все отказывают) преимущественно на основе языка функционируют память, внимание, мышление;

¹ В этом месте в большинстве учебников по лингвистике приводится знаменитая фраза замечательного ученого Л.С. Выготского о том, что наша «мысль не выражается, а совершается в слове». Практически каждый автор учебника по общему языкознанию или по введению в языкознание считает прямо-таки своим долгом процитировать именно это высказывание Л.С. Выготского, в крайнем случае могут также вспомнить слова о гусеке, «который не сообщает об опасности, а криком заражает стаю своим испугом», хотя у этого же ученого есть и несколько другого рода высказывания по данному вопросу – о них будет сказано ниже.

- язык человека, в отличие от языка животных, – естественная, биологически не релевантная, не врожденная система знаков;
- в речи животных нет информации «не о себе»;
- животным не свойственно общение в режиме диалога – их общение сводится к отдельным монологам отдельно взятых особей;
- язык человека обусловлен социально и географически, животные же одного вида «говорят» на одном языке, независимо от того, к какому коллективу они принадлежат или на какой территории они находятся;
- ни один из языков животных не имеет такой уровневой структуры, как язык человека, где единицы более высокого уровня структурно включают в себя единицы более низких уровней, т. е. невозможно увидеть в языке животных следующее: текст членится на предложения, предложения – на слова, слова – на морфемы, морфемы – на фонемы (или на слоги).

Последняя отличительная особенность человеческого языка – его членораздельность, внутренняя расчлененность высказываний на единицы разных уровней, дискретность смысла его единиц и способность их к комбинированию в речи по известным правилам, безусловно, присуща только ему и не представлена в семиотических системах, которыми пользуются даже высокоорганизованные насекомые, птицы или животные. Но, правда, следовало бы оговорить, что при этом имеются в виду именно те системы знаков, которые используются животными какого-то вида при общении их *между собой*, в своем собственном сообществе. Дело в том, что некоторые птицы или животные способны овладеть определенными знаковыми системами², которые служат им *для общения не с себе подобными, а с людьми*. И такого рода семиотические системы будут во многом похожи на человеческий язык – по крайней мере, там будет представлена уровневая организация, и единицы разных уровней действительно будут вступать друг с другом в определенные отношения (как синтагматические, так и парадигматические).

Данное утверждение можно проиллюстрировать целым рядом весьма показательных примеров, которые хорошо известны зоопсихологам, этологам, антропологам, социобиологам, но лингвисты (по крайней мере, это касается авторов учебников по общему языкознанию) их почему-то игнорируют, не принимая во внимание ни в разделах об особенностях языка как семиотической системы, ни в тех частях курса, где речь идет о связи языка и мышления, языка как орудия познания и т. п.

В первую очередь следует обратиться к разного рода попыткам научить обезьян говорить. Если понимать слово «говорить» буквально,

² Точнее будет сказать: их можно этим системам обучить, или же (в случаях с некоторыми птицами, как показано в работах известнейшего этолога К. Лоренца) они сами этим системам обучаются.

то можно лишь убедиться в том, что членораздельная речь присуща исключительно человеку, а человекообразные обезьяны не способны тонко контролировать работу своего голосового аппарата, и, как правило, издавая привычные для них звуки, они не пользуются губами и языком. Хотя некоторым исследователям удавалось научить обезьян произносить отдельные слова: так в 1916 году Уильям Фернисс³ взялся за эксперимент над молодым орангутаном. Ценой невероятного терпения Ферниссу удалось научить обезьяну говорить «папа» и «чашка». Орангутан правильно употреблял эти слова: так как обучением занимался сам ученый, то слово «папа» ассоциировалось у орангутана с личностью учителя, и если его спрашивали, где папа, он показывал на Фернисса или ударял его по плечу; когда орангутан заболел, то ночью он несколько раз произнес слово “cup”, прося пить⁴.

Но дело в том, что язык (как особая знаковая система) не равен речи (да и само понятие речи обычно не сводится лишь к ее устной разновидности), и слово «говорить» в контексте данной статьи используется скорее в смысле «общаться». Могут ли общаться на языке, максимально приближенном по своим свойствам к человеческому, не люди, а животные? Обратимся к одному из самых известных в науке примеров — к тем экспериментам, которые проводились с человекообразной обезьяной Уошо. В июне 1966 года Аллен и Беатриса Гарднеры приобрели молодую самку шимпанзе⁵ и предприняли попытки научить ее «говорить». В качестве средства общения они избрали американский язык жестов (амслен), которым пользуются многие глухонемые. В принципе у Гарднеров было две возможности: либо придумать совершенно новый язык, либо взять один из нескольких уже существующих жестовых языков. Идея создания собственного языка была быстро отвергнута как слишком сложная. Амслен — настоящий, хорошо изученный язык жестов, используя который можно было бы не только обучать ему Уошо, но и сравнивать развитие умственных способностей шимпанзе с аналогич-

³ Иногда его фамилию передают, как Фарнес.

⁴ Ветров А.А. Семиотика и ее основные проблемы. М., 1988. Глава 7.

⁵ Почему была выбрана именно шимпанзе? На самом деле не вполне ясно, какие из крупных человекообразных обезьян умственно наиболее развиты. Однажды детеныш орангутана при испытании по тестам, используемым для оценки степени умственного развития детей, достиг по шкале IQ показателя 200. Но орангутаны — животные, ведущие одиночный образ жизни, и это делает работу с ними более сложной, чем с общительными шимпанзе или гориллами. У горилл немалые размеры затрудняют работу с ними, так что по практическим соображениям шимпанзе оказываются наиболее подходящими обезьянами для экспериментов того типа, которые были начаты Гарднерами. Не последней причиной, по которой были выбраны шимпанзе, послужила их явная склонность привязываться к своим приемным родителям, что не наблюдалось ни у орангутанов, ни у горилл (более подробно по этому вопросу см. книгу Ю. Линдена «Обезьяны, человек и язык»).

ным развитием глухонемых детей и, возможно, даже определить, что именно является уникальным в человеческом языке.

Каковы же оказались результаты? Уошо не только овладела немалым количеством знаков (через пять лет она знала уже 160 слов), но и умела их *использовать в различных разговорных ситуациях* – как по отдельности, так и *в сочетаниях друг с другом*. Впервые Уошо прибегла к комбинированию слов в апреле 1967 года, через десять месяцев после начала обучения языку. Она сказала: «Дай сладкий» – и затем: «Подойди открой». В то время ей было около двух лет, то есть она достигла именно того возраста, когда дети начинают строить фразы из двух слов. Позже Уошо стала объединять в одну фразу и большее число знаков, например, «ты щекотать я». Уошо смогла также *создавать новые знаки*: впервые увидев арбуз, она обозначила его как «сладкий питье», лебедя – «вода птица», зубную щетку – «зубы чистить». Она могла нестись вскачь через поляну и во время бега сигнализировать Гарднерам рукой: «быстро». Уошо обладала своеобразным грубоватым чувством юмора: однажды, прогуливаясь верхом на плечах у ассистента Гарднеров Роджера, Уошо помочилась на него, а затем изобразила знак «смешно». При этом, по словам Роджера, она выглядела весьма довольной собой⁶.

Из опытов Гарднеров можно увидеть следующее:

- обезьяны обладают способностями к *ассоциативному* мышлению и могут обозначать знаками предметы окружающей среды и действия;
- они могут *комбинировать* эти знаки;
- они способны использовать знаки не только как символы, но и как *инструментальные реакции* на предметы, сигналы и ситуации;
- они могут *категориально* воспринимать соответствующие предметы и при этом *практически* реализовывать их значение.

Д. Румбо использовала для обучения шимпанзе Ланы компьютер, и обезьяна научилась пользоваться клавиатурой компьютера, с помощью которой на экран выводились символы слов, а впоследствии целая группа обезьян была обучена общаться *друг с другом* (!) через компьютер. Ю. Линден вспоминал о том, как в 1972 году состоялась его первая поездка в Оклахому, предпринятая для того, чтобы познакомиться с Уошо и оценить возможности Уошо как собеседницы. Но оказалось, что таких Уошо уже несколько. Со времени ее приезда еще с десятком шимпанзе интенсивно обучались амслену. Программы их обучения были организованы по новому принципу, в соответствии с которым обезьяны

⁶ См. следующие работы: Линден Ю. Обезьяны, человек и язык. М., 1981; Мак-Фарленд Д. Поведение животных. Психобиология, этология и эволюция. М., 1988; Ясвин В.А. Межвидовая коммуникация *homo sapiens* как предпосылка формирования субъективных отношений к различным животным. (Последняя из названных работ находится на следующем сайте в Интернете: <http://www.ethology.ru/library>.)

должны были *пользоваться амсленом при общении друг с другом*. Показательно также то, что Уошо использовала языковые знаки и *сама по себе*, когда играла *одна* – так же, как это делают дети, разговаривая сами с собой во время игры.

Таким образом, можно констатировать, что попытки научить шимпанзе и других антропоидов различным типам человеческого языка имели успех. Также можно констатировать, что эксперименты с обезьянами показали, что и животные могут передавать информацию «не о себе», что язык, которому их обучили, довольно тесно связан с познавательными процессами, что и между животными (и тем более, между животным и человеком) возможен настоящий диалог. По всей видимости, прав был Н. Хомский, утверждавший более 30 лет тому назад, что способность человека к языку связана со специфическим *типом психической организации*, а не с более высокой степенью интеллекта. Но особенно поражают выводы, к которым пришел (почти за 40 лет до Хомского и задолго до вышеприведенных экспериментов с шимпанзе) Л.С. Выготский, рассуждая о генетических корнях мышления и речи:

1. Мышление и речь имеют различные генетические корни.
2. Развитие мышления и речи идет по различным линиям и независимо друг от друга.
3. Отношение между мышлением и речью не является сколько-нибудь постоянной величиной на всем протяжении филогенетического развития.
4. Антропоиды обнаруживают человекоподобный интеллект в одних отношениях <...> и человекоподобную речь – совершенно в других <...>.
5. Антропоиды не обнаруживают характерного для человека отношения – тесной связи между мышлением и речью. Одно и другое не является сколько-нибудь непосредственно связанным у шимпанзе.
5. В филогенезе мышления и речи мы можем с несомненностью констатировать доречевую фазу в развитии интеллекта и доинтеллектуальную фазу в развитии речи⁷.

Остается здесь только особо подчеркнуть, что Л.С. Выготский говорит именно о *речи*, а не о *языке*.

Хотя бы отчасти пересмотреть укоренившиеся в лингвистике взгляды на языковые способности и возможности животных заставляют и те случаи, которые приводит в своей книге «Кольцо царя Соломона» известнейший этолог, лауреат Нобелевской премии 1973 г. за достижения в области биологии и медицины Конрад Лоренц. Эти примеры любопытны не только потому, что они касаются птиц (а не антропоидов),

⁷ *Выготский Л.С.* Мышление и речь. М., 1999, стр. 93.

но и потому, что здесь не было даже попыток со стороны людей *научить* чему-то птиц – птицы *обучались сами*. При этом они не просто повторяли какие-то слова или целые фразы из человеческого языка, но произносили их вполне *осмысленно*, в уместное время, в нужной ситуации, т. е. похоже на то, что они в какой-то мере *понимали*, что они *зачили*.

Так у профессора Отто Кёлера, друга К.Лоренца, жил старый серый попугай по кличке Гриф, который был замечателен тем, что абсолютно кстати говорил «доброе утро» или «добрый вечер». А когда гость поднимался, чтобы откланяться, попугай низким голосом изрекал: «Ну, до свиданья». Причем, это говорилось только тогда, когда посетитель *действительно* должен был уйти. Если же *имитировалось* прощание, Гриф ничего не произносил: по всей видимости, он улавливал тончайшие непроизвольные жесты, не доступные человеку. Другой серый попугай, обладавший исключительной памятью и интеллектом, о котором пишет К. Лоренц, принадлежал известному берлинскому орнитологу фон Луканусу. Этот орнитолог держал дома много птиц и среди них ручного удода по кличке Хопфхен. Говорящий попугай заучил в том числе и это имя. Через некоторое время удода умер (в отличие от попугаев, удоды недолго живут в неволе). Попугай, казалось, совершенно забыл его имя (по крайней мере, никогда не произносил его). Спустя девять (!) лет Луканус приобрел другого удода, и как только попугай его увидел, он тут же назвал несколько раз имя старого знакомого: «Хопфхен». К. Лоренц приводит также ряд других поразительных историй, когда птицы в исключительных (чаще всего, в стрессовых) ситуациях с одного (!) раза запоминали целую фразу и воспроизводили ее в нужное время и в нужном контексте.

Отдельно следует отметить язык пчел, т. к. эта знаковая система используется ими для общения друг с другом, а не с человеком, но тем не менее является очень сложной и опровергает ряд утверждений лингвистов о весьма ограниченных возможностях языка животных. Как известно, данная семиотическая система хорошо изучена и описана во многом благодаря исследованиям Карла фон Фриша, получившего за них в 1973 г. Нобелевскую премию. Танец (= язык) пчел замечателен прежде всего тем, что он практически всегда содержит информацию об окружающей действительности, а не о самой пчеле (т. е. пчелы регулярно сообщают другим особям что-то «не о себе»).

Пчелы передают друг другу информацию о примерном направлении полета к новому источнику пищи, расстоянии до него, а также количестве пищи в нем с помощью серии тщательно разработанных танцев, отдельные па которых и содержат соответствующую информацию. Если пища находится близко, пчела исполняет так называемый круго-

вой танец; если расстояние до источника пищи превышает 85 м, пчела пользуется «виляющим» танцем, т. е. танцем в виде восьмерки. Фриш обнаружил также, что угол исполнения пчелами этого танца по отношению к вертикальной оси медовых сот соответствует углу, образуемому источником пищи относительно солнца, а при переменной облачности пчелы могут находить пищу, ориентируясь относительно плоскости поляризации света от просветов чистого неба между облаками. Кроме всего этого пчела-разведчица указывает и на вид цветущего растения. Касаясь усиками тела разведчицы, другие пчелы ощущают запах растения-медоноса и, полетев в указанном направлении, будут искать именно его. Наконец, в танце пчел не просто содержится информация о дальности полета, а эта информация пчелой еще и определенным образом корректируется: при попутном ветре разведчица указывает расстояние, чуть меньшее действительного, а при ветре встречном — чуть большее. Было установлено также, что при боковом ветре летящая пчела делает соответствующую поправку от заданного направления, т. е. движется к Солнцу под иным углом, чем указывалось разведчицей. Благодаря такой поправке пчела не сбивается с курса и благополучно находит источник нектара. Танцы пчел используются не только при поиске нектара, но и в других случаях, например, при роении. Покинувшая старый улей семья пчел присаживается на соседнем дереве или кусте и ожидает разлетевшихся во все стороны разведчиц. Когда те обнаруживают подходящее дупло или пустой улей, то они возвращаются и тем же танцем сообщают о том, куда следует лететь.

Любопытно, что разные породы пчел отличаются своими танцами. Так, к примеру, карпатские пчелы не совсем правильно понимают танец кавказских, а те с трудом понимают итальянских. Один и тот же элемент виляющего танца обозначает приблизительно 75 м у немецкой медоносной пчелы, около 25 м у итальянской пчелы и всего лишь 5 м у пчелы из Египта. Тем самым оказывается не вполне справедливым утверждение о том, что только язык человека может быть обусловлен социально и географически. Получается, что и у пчел могут быть различные «диалекты». Причем, «диалекты» есть не только у пчел, но и у особой других видов. Мимика и жестикуляция, с помощью которых животные общаются друг с другом визуально, *неодинаковы у популяций одного и того же вида, населяющих разные районы* (у млекопитающих, птиц, рыб и некоторых членистоногих — например, манящих крабов). Предполагают существование географических различий и в «химическом» языке животных, особенно в специфических запахах. Лучше изучены различия в голосах животных (песнях и криках). Различают как местные «говоры», свойственные группам животных, занимающим небольшие территории (для птиц — иногда в несколько сот га), так и

Язык, сознание, коммуникация: Сб. статей / Отв. ред. В. В. Красных, А. И. Изотов. — М.: МАКС Пресс, 2005. — Вып. 29. — 160 с. ISBN 5-317-01330-5

«диалекты» животных, отличающие обитателей разных географических районов. По всей видимости, «диалекты» животных, как это происходит и у людей, возникают на основе индивидуальных особенностей и служат средством как объединения животных в популяции, так и разграничения последних друг от друга⁸.

Таким образом, из ряда фактов, приведенных выше, можно увидеть, что язык животных (как семиотическая система) является не настолько простым, как это представлено в учебных пособиях по языкознанию, что есть довольно много черт, скорее объединяющих язык животных и язык человека, а не разъединяющих их (тем более, если мы будем учитывать те языковые и мыслительные возможности животных и птиц, которые проявляются в их общении не только друг с другом, но и с человеком).

⁸ Более подробную и полную информацию по данному вопросу можно найти в следующих изданиях: *Наумов Н.П.* Экология животных. М., 1963; *Наумов Н.П. и др.* Средства общения у животных и их моделирование // Вопросы бионики. М., 1967; *Шовен Р.* Поведение животных. М., 1972, а также на сайте в Интернете по адресу <http://www.booksite.ru>.